

ЛЮСТРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ¹

Ю.А. Нисневич, П. Рожич

Аннотация. В статье рассматривается гипотеза о том, что после смены тоталитарных и авторитарных режимов, основой функционирования которых служила коррупция, для эффективного противодействия ей необходима управленческая люстрация, способствующая очищению системы органов публичной власти от управленцев прежнего режима. Проверка данной гипотезы проводится на основе анализа состояния коррупции во взаимосвязи с реализацией процессов люстрации в 28 постсоветских государствах Центральной и Восточной Европы, в которых произошло крушение советских режимов, и государствах, образовавшихся после распада СССР и СФРЮ. Для проверки гипотезы используются качественные и количественные методы политологических исследований. Результаты проведенных исследований позволяют сделать вывод о том, что управленческая люстрация после смены тоталитарных и авторитарных режимов способствует очищению органов публичной власти от носителей коррупционных отношений и практик управления государством и является благоприятной отправной точкой для последующей реализации комплекса необходимых для противодействия коррупции институциональных мер.

Ключевые слова: коррупция, люстрация, постсоветские государства, качественные и количественные методы политологических исследований.

Качество функционирования публичной власти определяется как свойствами реализующих ее институтов, так и свойствами людей, обеспечивающих их работу. Эту парадигму афористично сформулировал К. Поппер: “Институты – как крепости: их надо хорошо спроектировать и заселить” [Поппер 1992: 165].

Человеческий фактор оказывает существенное влияние на работу даже “хорошо спроектированных” институтов публичной власти, в которых для минимизации влияния этого фактора предусматриваются системы сдержек и противовесов и иные специальные меры.

В современных демократических государствах повышение “качества” тех, кто населяет институты публичной власти, достигается, в первую очередь, за счет постоянной работы механизмов внешнего контроля деятельности публичной власти. Первой составляющей такого контроля служит добросовестная и транспарентная политическая конкуренция как в процессе выборов в органы публичной власти, так и в периоды между выборами. Такая политическая конкуренция обеспечивает сменяемость по результатам выборов избираемых и назначаемых политических должностных лиц публичной власти. Не менее важную роль в повышении качества кадрового обеспечения публичной власти играет гражданский контроль над деятельностью органов и должностных лиц публичной власти, кото-

---

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич, профессор, доктор политических наук, профессор НИУ ВШЭ и РУДН; РОЖИЧ Петер, PhD, Университет Санта Клара (Калифорния). Для связи с авторами: nisjulius@gmail.com

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы “Научный фонд НИУ ВШЭ” в 2013–2014 гг., проект № 12-01-0150.

рый призван способствовать очищению органов публичной власти всех уровней от недобросовестных и некомпетентных должностных лиц.

После смены правящих тоталитарных и авторитарных режимов, при которых, как правило, вся система публичной власти поражена коррупцией, чтобы минимизировать вероятность рецидивов этой “раковой опухоли общественных отношений”, принципиально необходимо совершить пятый подвиг Геракла – а именно очистить Авгиевы конюшни публичной власти от носителей коррупционной технологии публичного управления, захвативших при предшествующем режиме не только все политические, но и большинство административных публичных должностей.

Механизмом решения этой задачи может послужить люстрация, но не столько политическая, сколько управленческая, запрещающая занимать ответственные должности публичной власти всем, кто занимал подобные при предшествующем режиме. Такая люстрация, которую, безусловно, не следует рассматривать как панацею и полную гарантию от коррупции, должна проводиться только на основании принятых новой властью законов и предпочтительно специально уполномоченным на это органом, в качестве которого могут быть использованы специализированные институты по борьбе с коррупцией [Специализированные институты... 2008].

В XX в. применение люстрации, которая приводит к очищению органов публичной власти от коррумпированных управленцев предшествующих тоталитарных и авторитарных режимов, началось с денацификации Германии после окончания Второй мировой войны по решению Потсдамской конференции 1945 г. [Энциклопедия Третьего Рейха 2005]. Люстрация имела место в 1990-е годы в ряде государств Центральной и Восточной Европы после крушения советских режимов. Применение люстрации продолжается и в настоящее время. Так, 5 мая 2013 г. в Ливии был принят закон о люстрации, запрещающий высокопоставленным представителям режима М.Каддафи занимать должности в новых органах власти [Ливийский парламент... 2013]. А 31 мая того же года парламентом Грузии единогласно была принята “Хартия свободы”, которая содержит нормы, устанавливающие проведение политической люстрации в отношении бывших должностных лиц КПСС и сотрудников спецслужб СССР [Парламент Грузии... 2013, Хартия свободы Грузии 2012]. Закон о люстрации рассматривается и в Тунисе [Тунисские депутаты... 2013].

Но действительно ли необходима управленческая люстрация для эффективного противодействия коррупции после смены тоталитарных и авторитарных режимов? Для того чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к опыту государств Центральной и Восточной Европы, в которых произошло крушение советских режимов, и стран, образовавшихся после распада СССР и СФРЮ.

Специфическая особенность этих государств состоит в том, что в них предшествующее правление советских режимов осуществлялось господствующим социальным слоем, который М.Восленский обозначает как “номенклатура” [Восленский 2005], а М.Джилас – как “новый класс” [Джилас 1992].

В СССР понятие “номенклатура” появилось в период правления И.Сталина как перечень руководящих должностей, назначение на которые утверждалось партийными органами [Большой энциклопедический словарь 2003: 745], т.е. как бюрократическая система, достаточно быстро трансформировавшаяся в господствующий социальный слой. Аналогичные процессы трансформации

партийно-хозяйственной номенклатуры из бюрократической системы в господствующий социальный слой имели место и в государствах Центральной и Восточной Европы, о чем на примере СФРЮ свидетельствует М.Джилас. При этом принципиально важно подчеркнуть, что хотя значительную часть номенклатуры наряду с партийными функционерами и составляли государственные чиновники, она кардинально и качественно отличалась от государственной бюрократии. Номенклатура — это социальный феномен, в то время как государственная бюрократия — это управленческий аппарат государства, профессиональная корпорация [Нисневич 2007: 239].

Онтологические свойства номенклатуры определяются, прежде всего, механизмом ее формирования. Формальный механизм формирования номенклатурных кадров состоял в назначении на руководящие должности по решению органов правящей партии, но фактически такие назначения осуществлялись по протекции конкретных партийных функционеров соответствующего уровня партийной иерархии и лишь оформлялись решениями партийных органов. При этом партийные функционеры всех уровней стремились в первую очередь предоставить руководящие должности, находящиеся в сфере их влияния, родственникам, друзьям и преданным кадрам. Номенклатура формировалась по протекционистскому принципу назначения на руководящие должности, исходя, прежде всего, из критерия личной преданности, т.е. практиковался nepотизм, представляющий собой один из видов коррупционных деяний.

Вот как описывает советскую систему М.Джилас: “В ней образуются неприступные круги, замкнутые на политических вождей и инстанции. Вся политика сводится к трениям внутри этих сфер, где процветают кумовство и клановость” [Джилас 1992: 241].

Номенклатура представляла собой конкурентную социальную среду. Конкуренция за доминирующее положение происходила между группировками-кланами, которые формировались на основе персональных родственных, образовательных и производственных связей, принципов землячества, национальной и социальной близости, но ключевым всегда оставался принцип личной преданности данному клану и его лидерам. Но такая преданность не была абсолютной, так как умение вовремя предать и примкнуть с целью карьерного роста к той группировке, которая в текущей ситуации завоевывает доминирующее положение (“хождение по трупам”), служило основным механизмом вертикальной мобильности в номенклатурной среде. Как пишет М.Джилас, “способность ‘идти по трупам’ — одна из определяющих черт образа жизни, коренная предпосылка служебного роста” [Джилас 1992: 221].

Однако М.Восленский полагает, что главной и единственной целью номенклатуры была власть как таковая, что номенклатурщик — “...фанат власти. Это не означает, что ему чуждо все остальное. По природе он отнюдь не аскет” [Восленский 2005: 116]. Представляется, что не только в период “развитого социализма”, но и на всех стадиях своего развития номенклатура стремилась посредством обладания властью достичь личного материального обогащения и социального превосходства. В условиях, когда деньги в административно-командной экономике при перманентном дефиците товаров и услуг не играли определяющую роль, для самообогащения номенклатура использовала ею же самой созданную систему материальных привилегий (государственные квартиры, машины и дачи, привилегированные дома отдыха

и санатории, закрытые распределители продуктов, товаров и услуг). Такая система обеспечивала непропорциональное распределение в пользу номенклатуры государственных ресурсов и так наз. общенародной собственности, которой, как отмечает М.Джилас, она фактически владела. Система привилегий номенклатуры – это безденежная, но вполне материальная форма “коррупции по-советски”, требования отмены которой послужили одним из катализаторов массовых протестных выступлений против советского режима, в частности в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

Принципиальное значение для анализа номенклатуры как носителя коррупции имеет тот факт, что, несмотря на сознательно распространяемые сегодня мифы об отсутствии преступности и коррупции при советской власти, сведения, приводимые ее непосредственными акторами, свидетельствуют об обратном.

Так, из доклада прокурора СССР Г.Сафонова руководству страны в 1948 г. следовало, что вся советская судебная система снизу доверху поражена коррупцией: “Докладываю, что за последнее время Прокуратурой СССР вскрыты многочисленные факты взяточничества, злоупотреблений, сращивания с преступными элементами и вынесения неправосудных приговоров и решений в судебных органах Москвы, Киева, Краснодара и Уфы. В Верховном суде РСФСР также вскрыты факты взяточничества и других злоупотреблений. Следствием установлено, что этим преступлениям способствовала нездоровая обстановка семейственности, существовавшая в аппарате Верховного суда” [Жирнов 2009].

Как свидетельствует бывший секретарь ЦК КПСС А.Яковлев, в СССР перед крахом советского режима во всей стране царили “коррупция, обман, дезинформация”, а “кумовство, взяточничество, казнокрадство в той или иной мере поразили почти всю номенклатуру” [Яковлев 2003: 564, 683].

Следует отметить и такую широко распространенную как в советском обществе в целом, так и в номенклатурной среде неформальную, коррупционную по своей сути практику, получившую название “блат”. Блат можно определить как использование личных контактов (каналов, сетей) для получения доступа к общественным ресурсам: товарам, услугам, источникам дохода (образование, рабочие места, должности и т.д.) и привилегиям в обход формальных процедур, регулирующих доступ к ресурсам, как правило, относящимся к сфере личного потребления [Леденева 1997; Ledeneva 2013]. Блат не предполагал использования собственных ресурсов для оказания “услуг доступа”, которое базировалось на непропорциональном использовании служебного положения и полномочий, что аналогично коррупционной практике.

Таким образом, публичная власть представляла для номенклатуры средство для удовлетворения ее материальных и социальных устремлений, а основу ее жизнедеятельности составляло использование в личных корыстных целях должностных полномочий и административного ресурса публичной власти. Но именно непропорциональное использование ресурса власти в целях личной или групповой выгоды является институциональным механизмом коррупции [Нисневич 2012: 109]. И, следовательно, номенклатура – это носитель как классических, так и специфических, порожденных советским авторитарным режимом форм коррупционных отношений и коррупционных практик управления государством, которые после крушения такого режима и “оденевания” административного рынка советской экономики [Найшуль 2005: 12-14] быстро и легко встраиваются в традиционные схемы и практики коррупции.

Гипотезу о влиянии люстрации на очищение публичной власти от номенклатурного советского прошлого предлагается проверить на группе из 28 государств, включающей государства Центральной и Восточной Европы и государства, образовавшиеся после распада СССР и СФРЮ. В качестве индикатора состояния коррупции будет использоваться индекс восприятия коррупции (*Corruption Perceptions Index, CPI*), определяемый с 1995 г. международной неправительственной организацией – международным движением по противодействию коррупции *Transparency International* [Corruption Perceptions Index 2012]. Для повышения достоверности полученных результатов в качестве дополнительного индикатора будет использоваться индекс контроля коррупции (*Control Corruption Index, CCI*), определяемый с 1996 г. Всемирным банком (*The World Bank*) в рамках глобального исследования “Качество государственного управления” (*Governance Matters*) [The Worldwide Governance Indicators 2013].

Исходные эмпирические данные для проведения исследований методом сопоставительно-институционального анализа [Нисневич 2011] включают данные для 28 государств по индексу ИВК, который изменяется от 10 (коррупция практически отсутствует) до 0 (очень высокий уровень коррупции), и нормализованному индексу ИВК_н, который изменяется от 0 (коррупция практически отсутствует) до 1 (очень высокий уровень коррупции), а также данные по индексу ИКК, который изменяется от -2,5 (очень высокое воздействие коррупции) до 2,5 (воздействие коррупции практически отсутствует), и нормализованному индексу ИКК_н, который изменяется от 0 (воздействие коррупции практически отсутствует) до 1 (очень высокое воздействие коррупции).

113

Исследуемая группа из 28 государств может быть разбита на три кластера. *Первый кластер* – это девять государств, в которых в 1990-е годы в той или иной форме осуществлялась люстрация. В этот кластер входят шесть из семи государств Центральной и Восточной Европы, которые и до распада СССР и СФРЮ существовали как суверенные, кроме Румынии, в которой люстрация не проводилась. А также три прибалтийские государства, ранее входившие в состав СССР. Все государства этого кластера находятся в зоне средней коррупции: $0,7 \leq \text{ИВК}_н \leq 0,3$ (см. рис. 1).

При этом в двух государствах – Польше и Эстонии – по последним данным уровень коррупции ниже медианного ($\text{ИВК}_н = 0,5$), и для Эстонии приближается к зоне низкой коррупции ($\text{ИВК}_н < 0,3$). В пяти государствах – Венгрии, Латвии, Литве, Чехии, Словакии – уровень коррупции в последние годы несколько выше медианного ($0,5 < \text{ИВК}_н < 0,6$). А в двух – Албании и Болгарии – приближается к зоне высокой коррупции ($\text{ИВК}_н > 0,7$), что, как представляется, свидетельствует о том, что люстрация не оказала существенного влияния на состояние коррупции в этих государствах.

При оценке динамики состояния коррупции в государствах этого кластера посредством индекса ИКК_н наблюдается подобная картина с некоторым смещением в сторону более низких уровней коррупции (см. рис. 2.). Следует отметить, что для государств этого кластера, кроме Албании и Болгарии, уровень коррупции, оцениваемый индексом ИКК_н, по последним данным ниже медианного ($\text{ИКК}_н = 0,5$).

Динамика состояния коррупции в государствах первого кластера, оцениваемая индексом ИВК_Н

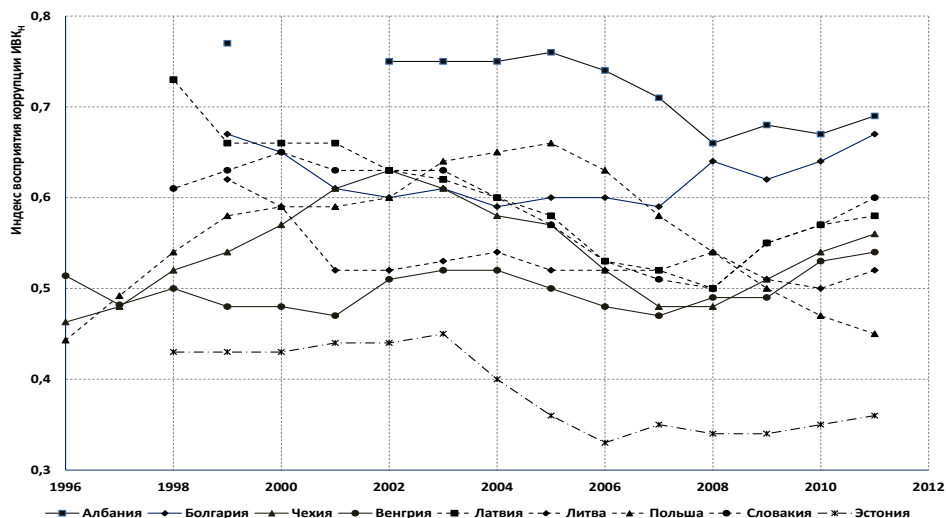
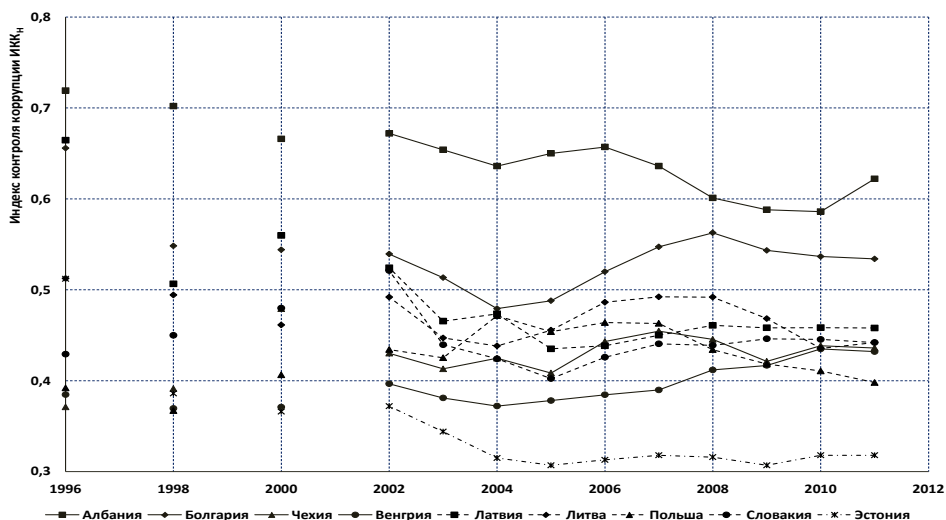

Рисунок 2

Динамика состояния коррупции в государствах первого кластера, оцениваемая индексом ИКК_Н

Второй кластер составляют 12 государств, ранее входивших в состав СССР и не проводивших никакой люстрации. В этот кластер включена Грузия, потому что в этом государстве только в 2004 г. был сокращен государственный аппарат и осуществлена реформа министерства внутренних дел, что носило характер частичной управленческой люстрации [Буракова 2011: 55-57], и только в 2013 г. была принята уже упомянутая ранее “Хартия свободы”, содержащая нормы политической люстрации.

Для удобства графического представления этот кластер разбит на две группы: в первую включены государства, расположенные в европейской части бывшего СССР и в Закавказье, а во вторую – государства Средней Азии.

Все государства этого кластера (см. рис. 3 и 4), кроме Грузии после 2006 г., по последним данным находятся в зоне высокой коррупции (ИВК_Н>0,7).

Рисунок 3

Динамика состояния коррупции в государствах второго кластера, оцениваемая индексом ИВК_Н (европейская часть и Закавказье)

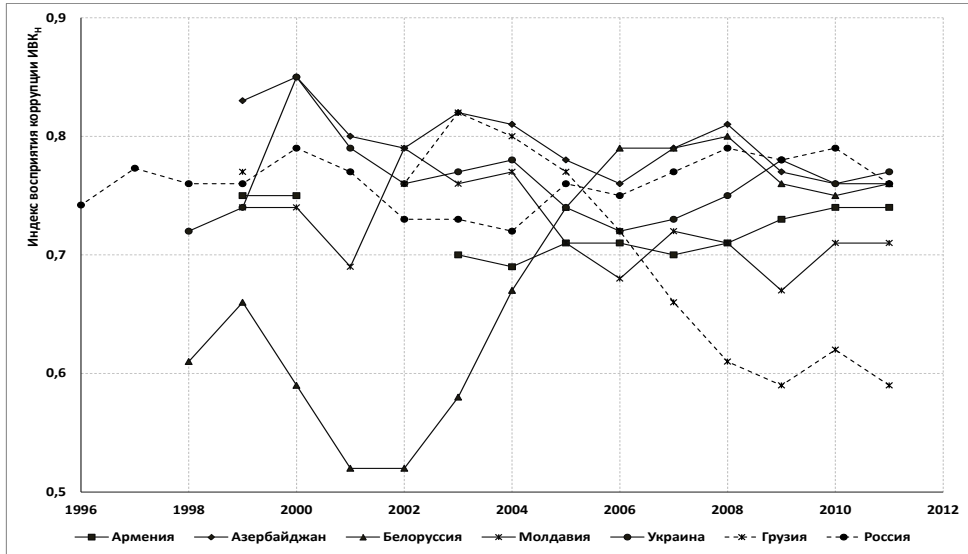
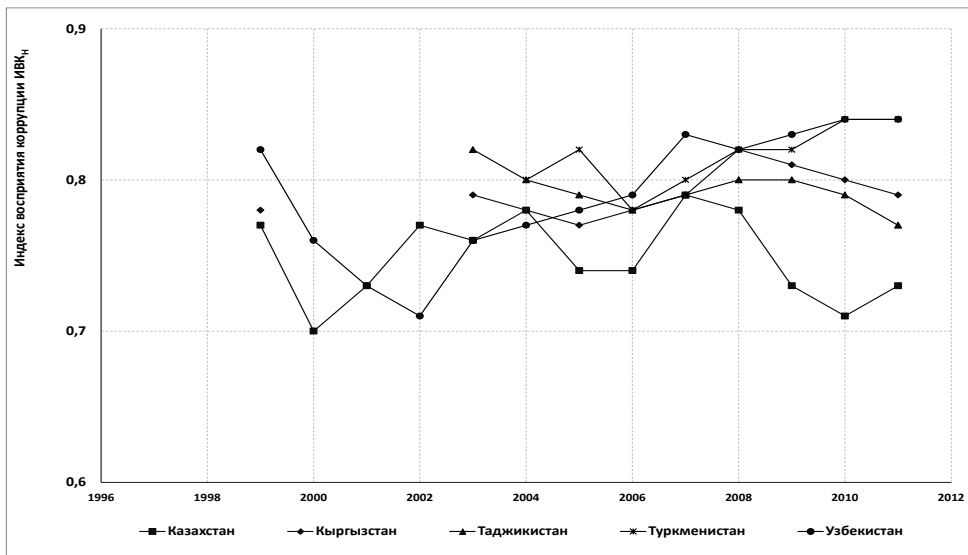

Рисунок 4

Динамика состояния коррупции в государствах второго кластера, оцениваемая индексом ИВК_Н (Средняя Азия)

Оценка динамики состояния коррупции в государствах этого кластера посредством индекса ИКК_Н (см. рис. 5 и 6) говорит о том же, но с некоторым смещением в сторону более низких уровней. Несколько ниже по последним данным уровень коррупции оценивается в Армении, Белоруссии, Молдавии и Украине, которые попадают в зону средней коррупции с $0,7 < ИКК_{Н} < 0,6$.

Рисунок 5

Динамика состояния коррупции в государствах второго кластера, оцениваемая индексом ИКК_Н (европейская часть и Закавказье)

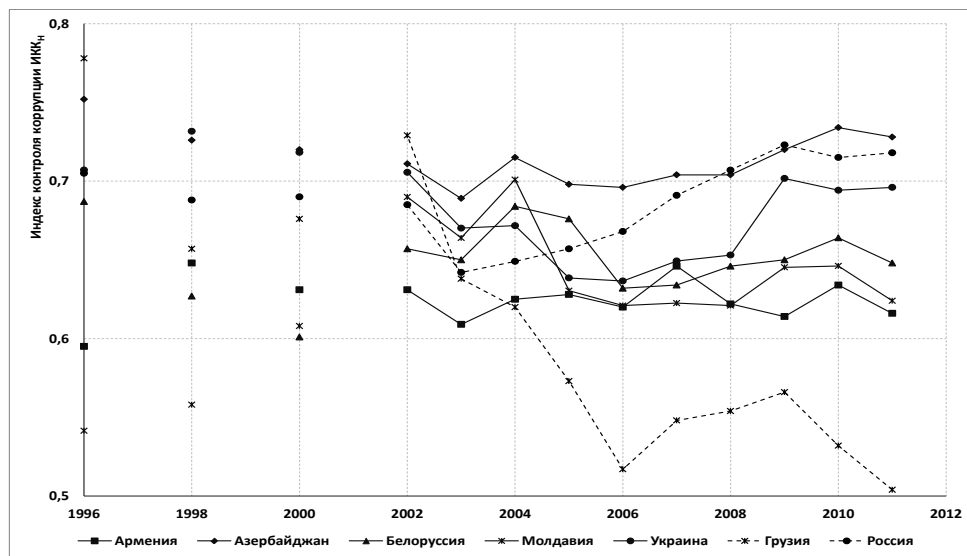
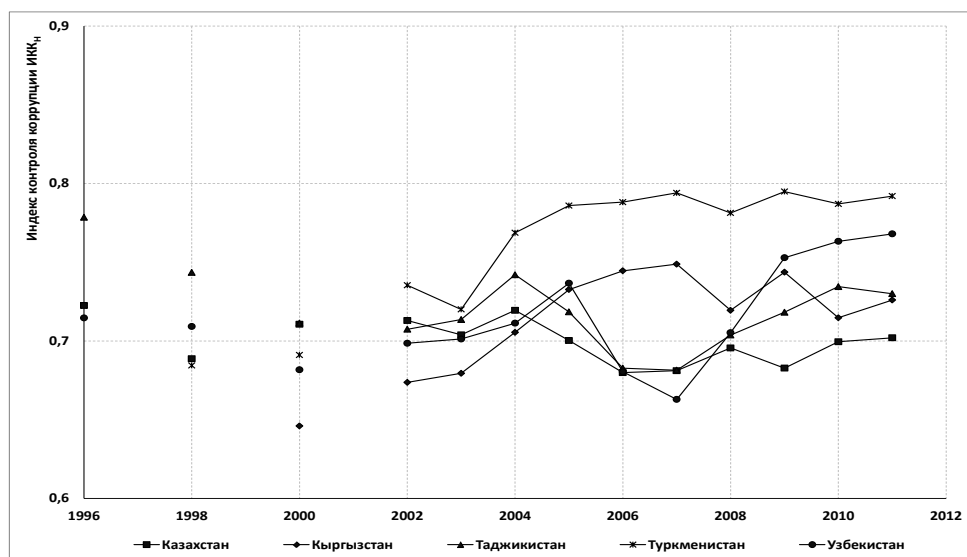

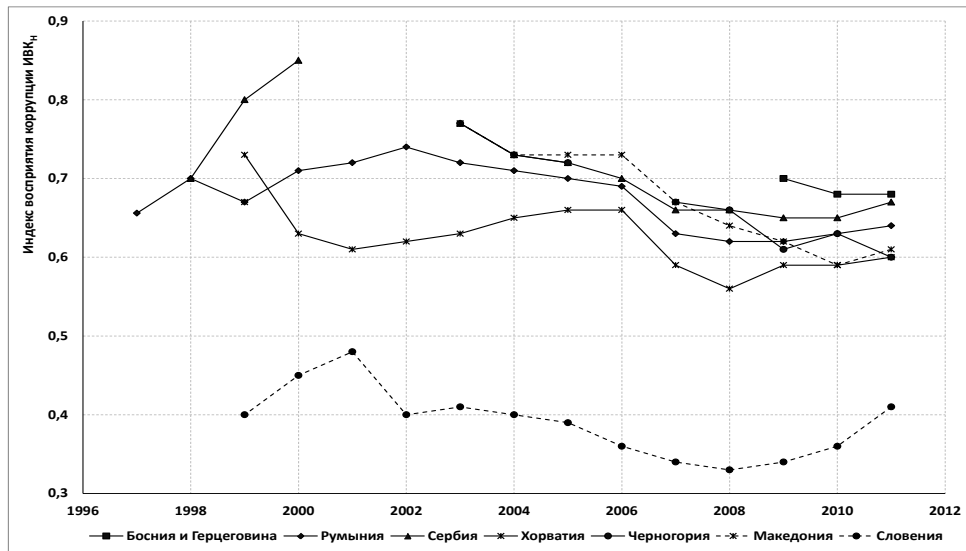
Рисунок 6

Динамика состояния коррупции в государствах второго кластера, оцениваемая индексом ИКК_Н (Средняя Азия)

Динамика состояния коррупции в государствах третьего кластера, оцениваемая индексом ИВК_Н

Третий кластер составляют шесть государств бывшей СФРЮ, в которых, кроме Македонии, нигде не осуществлялась люстрация. Македония включена в этот кластер, так как закон о люстрации там был принят только в 2008 г. и предполагает проведение люстрации в течение десяти лет, затронув на первом этапе, который начался только в 2009 г., всего 250 ведущих политиков [Президент Македонии... 2009], и поэтому очевидно практически не повлиял на состояние коррупции. В этот кластер включена также и Румыния, в которой закон о люстрации в 2012 г. был сначала принят парламентом, а затем отменен Конституционным судом [Румыния отменила... 2012].

Все государства третьего кластера, кроме Словении, по последним данным находятся в зоне средней коррупции, правда, с $ИВК_N > 0,6$, т.е. достаточно близко к зоне высокой коррупции (см. рис. 7). При этом в данном случае прослеживается определенная динамика снижения коррупции, что, как представляется, обусловлено требованиями для вступления этих государств в Европейский союз и наличием достаточно свободной политической конкуренции, что обеспечивает внешний контроль деятельности публичной власти. Феномен Словении, приближающейся, как и Эстония, к зоне низкой коррупции ($ИВК_N < 0,3$), требует специального анализа.

При оценке динамики состояния коррупции в государствах этого кластера (см. рис. 8) посредством индекса ИКК_Н прослеживается более существенное снижение уровня коррупции до $0,5 < ИВК_N < 0,6$ при сохранении феномена Словении.

Для оценки влияния люстрации на состояние коррупции следует сравнить средние состояния коррупции в государствах, входящих в каждый из трех рассматриваемых кластеров. Средний уровень коррупции в первом кластере, где в той или иной форме была осуществлена люстрация, существенно ниже, чем во втором кластере, и несколько ниже, чем в третьем кластере, в котором не было люстрации (см. рис. 9, 10).

Средний уровень коррупции в государствах третьего кластера заметно ниже, чем в государствах второго кластера. Это свидетельствует о том, что помимо люстрации на снижение уровня коррупции оказывают влияние и другие факторы. В данном случае можно предположить, что такими факторами, как уже отмечалось выше, служит вступление (Румыния, Словения, Хорватия) или ассоциативное членство с последующим вступлением (Босния и Герцеговина, Македония, Сербия, Черногория) в ЕС.

Рисунок 8

Динамика состояния коррупции в государствах третьего кластера, оцениваемая индексом ИКК_Н

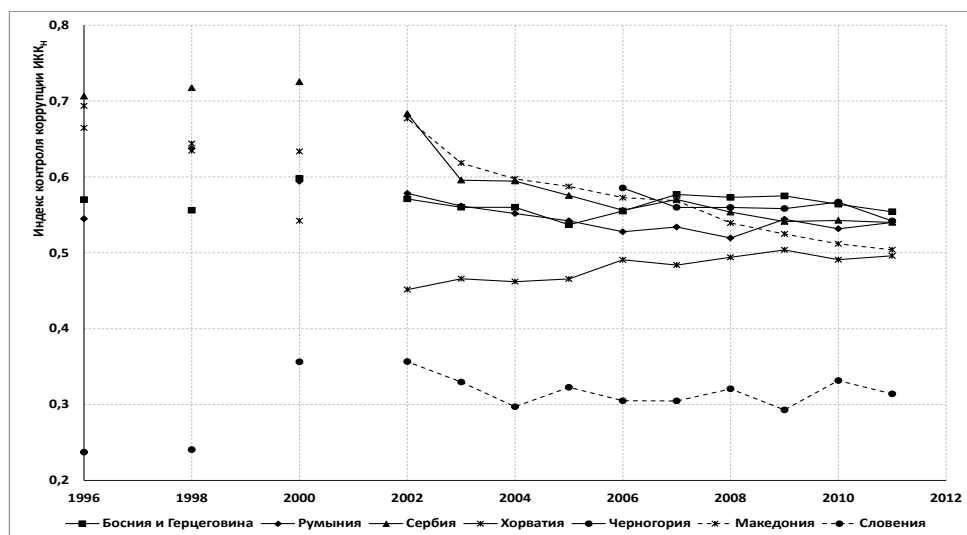
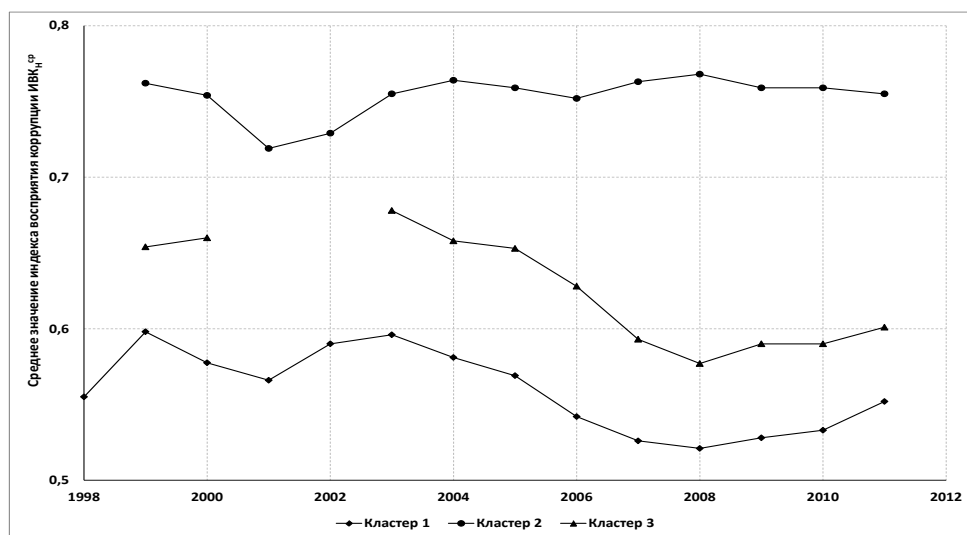

Рисунок 9

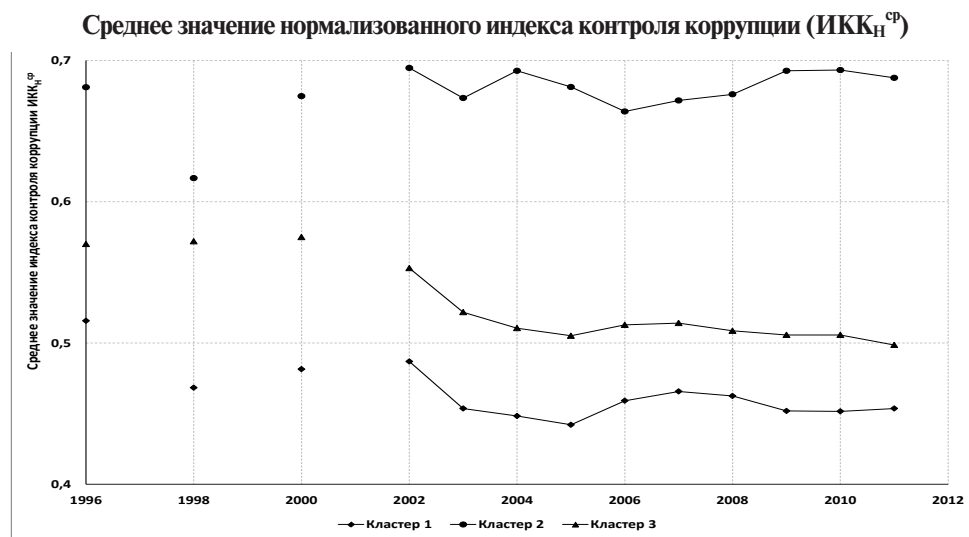
Динамика среднего состояния коррупции, оцениваемого средним по кластеру значением нормализованного индекса восприятия коррупции (ИВК_Н^{CP})

Сравнительный анализ динамики состояния коррупции в трех рассматриваемых кластерах постсоветских государств в целом подтверждает гипотезу о том, что люстрация после крушения советских режимов преимущественно способствовала противодействию коррупции, хотя не всегда достаточно эффективно. Как представляется, эффективность люстрации зависела от того, как и в какой степени она позволяла очистить публичную власть различных уровней от номенклатурных носителей коррупционных практик управления государством. При этом следует понимать, что управленческая люстрация служит лишь инструментом создания благоприятных условий для последующей реализации комплекса необходимых для противодействия коррупции институциональных мер и не гарантирует, что впоследствии без применения таких мер публичная власть не будет вновь поражена этой “раковой опухолью” общественных отношений.

Для того чтобы получить количественные оценки влияния процесса люстрации на состояние коррупции, в том числе и в условиях действия иных факторов, влияющих на состояние коррупции, целесообразным представляется применение математико-статистических методов анализа, а именно методов корреляционного и регрессионного анализа.

Рисунок 10

При применении этих методов в качестве количественной оценки процесса люстрации предлагается использовать индекс люстрации Рожича (ИЛР), который изменяется от 0 (люстрация не проводилась) до 7 (наибольшая степень реализации люстрации, оцениваемая соотношением числа граждан, прошедших люстрационную проверку, к общему числу граждан государства) [Rožič 2012].

Для повышения достоверности результатов корреляционного и регрессионного анализа в качестве количественной оценки состояния коррупции наряду с индексом восприятия коррупции ИВК и индексом контроля коррупции ИКК используется индекс коррупции, который определяется американской неправительственной организацией *Freedom House* в рамках проводимого с 1995 г. исследования по программе “Страны переходного периода” (*Nations in Transit*). Индекс коррупции *Freedom House* (ИКДС) изменяется от 0 (коррупция практически отсутствует) до 7 (очень высокий уровень коррупции) [Nations in Transit 2013].

На первом этапе корреляционного анализа (см. табл. 1) с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмана была выявлена сильная монотонная обратной взаимосвязь между степенью реализации процесса люстрации и состоянием коррупции.

Таблица 1

Коэффициент ранговой корреляции Спирмана

Индексы	ИЛР	ИВК	ИВК _Н	ИКК	ИКК _Н	ИКДС
ИЛР	1,0000					
ИВК	0,7365	1,0000				
ИВК _Н	-0,7365	-1,0000	1,0000			
ИКК	0,6910	0,9230	-0,9230	1,0000		
ИКК _Н	-0,6908	-0,9226	0,9226	-1,000	1,0000	
ИКДС	-0,7278	-0,9016	0,9016	-0,9398	0,9398	1,0000

На втором этапе корреляционного анализа (см. табл. 2) с использованием линейного коэффициента корреляции Пирсона была выявлена сильная обратная не просто монотонная, а линейная взаимосвязь между степенью реализации процесса люстрации и состоянием коррупции.

Таблица 2

Линейный коэффициент корреляции Пирсона

Индексы	ИЛР	ИВК	ИВК _Н	ИКК	ИКК _Н	ИКДС
ИЛР	1,0000					
ИВК	0,7510	1,0000				
ИВК _Н	-0,7510	-1,0000	1,0000			
ИКК	0,7087	0,9263	-0,9263	1,0000		
ИКК _Н	-0,7088	-0,9262	0,9262	-1,000	1,0000	
ИКДС	-0,7852	-0,8921	0,8921	-0,9480	0,9481	1,0000

Здесь также следует отметить, что результаты, приведенные в табл. 1 и 2, свидетельствуют о сильной не просто монотонной, но линейной связи между всеми тремя индексами ИВК, ИКК и ИКДС, используемыми для оценки состояния коррупции. Это можно рассматривать как подтверждение способом внутренней или конвергентной валидации (*convergent validation*) [Мангейм, Рич 1997: 105] валидности измерений коррупции для группы рассматриваемых постсоветских государств в исследованиях *Transparency International*, Всемирного Банка и *Freedom House*.

При проведении регрессионного анализа в качестве предикторов, которые наряду со степенью реализации процесса люстрации, оцениваемой индексом ИЛР, предположительно могут оказывать влияние на состояние коррупции, использовались следующие параметры. Общие параметры государства – численность населения, нефтяная рента, ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, значения которых определяются по базе мировых индикаторов развития (*World Development Indicators*) Всемирного банка [World

Development Indicator 2013]. Общую характеристику политического режима – степень свободы государства, определяемую *Freedom House* средним для каждого государства значением суммы индексов политических прав и гражданских свобод [Freedom in the World 2013], а также уровень политической конкуренции и параметры коммунистического (советского) режима – длительность правления и состояние коммунистической бюрократии [Rožič 2012]. В число предикторов, которые могут оказывать влияние на состояние коррупции, естественно был включен и бинарный признак членства в ЕС (1 – член ЕС, 0 – не член ЕС).

Определение множественной линейной регрессии методом максимального правдоподобия и оценок стандартных ошибок и уровней значимости осуществлялось с использованием двух конкурирующих статистических моделей. В модели 1 (M1) использовались все указанные выше предикторы, в модели 2 (M2) такие предикторы, как численность населения и нефтяная рента, не использовались.

Результаты регрессионного анализа (см. табл. 3) также подтверждают, что степень реализации люстрации после крушения советских режимов оказывает заметное влияние на состояние коррупции.

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа

	ИВК _{M1}	ИВК _{M2}	ИКК _{M1}	ИКК _{M2}	ИКДС _{M1}	ИКДС _{M2}
Степень реализации процесса люстрации	0,063* (0,03)	0,068* (0,03)	0,028** (0,01)	0,033** (0,01)	0,089*** (0,02)	0,100*** (0,02)
Численность населения	0,0026 (0,00)		-0,00052 (0,00)		-0,0017 (0,00)	
Нефтяная рента	-0,0068 (0,01)		-0,0040 (0,00)		-0,0036 (0,01)	
ВВП на душу населения по ППС	0,087*** (0,02)	0,070*** (0,02)	0,039*** (0,01)	0,031*** (0,01)	0,016 (0,01)	0,0068 (0,01)
Свобода государства	0,23*** (0,06)	0,23*** (0,06)	0,14*** (0,03)	0,13*** (0,02)	0,13** (0,04)	0,12** (0,04)
Политическая конкуренция	-0,045 (0,04)	-0,028 (0,03)	0,0066 (0,01)	0,015 (0,01)	0,032 (0,02)	0,024 (0,02)
Длительность коммунистического правления	0,0078 (0,01)	0,0035 (0,01)	0,0028 (0,00)	0,00036 (0,00)	-0,030** (0,01)	-0,033*** (0,01)
Состояние коммунистической бюрократии	-0,16 (0,12)	-0,26* (0,12)	-0,078 (0,05)	-0,083 (0,05)	-0,28** (0,10)	-0,26** (0,01)
Членство в ЕС	0,15 (0,11)	0,21* (0,11)	-0,080 (0,05)	-0,049 (0,05)	0,063 (0,07)	0,087 (0,07)
Константа	1,74 (0,98)	2,64** (0,92)	-1,22** (0,42)	-1,08** (0,36)	5,04*** (0,80)	5,19*** (0,69)
<i>N</i> (число наблюдений)	303	331	289	317	290	317
<i>R</i> ₀ (мера качества модели)	0,438	0,529	0,419	0,470	0,650	0,649

Примечание. В скобках указаны стандартные ошибки.

*p<0,05; **p<0,01; ***p<0,001.

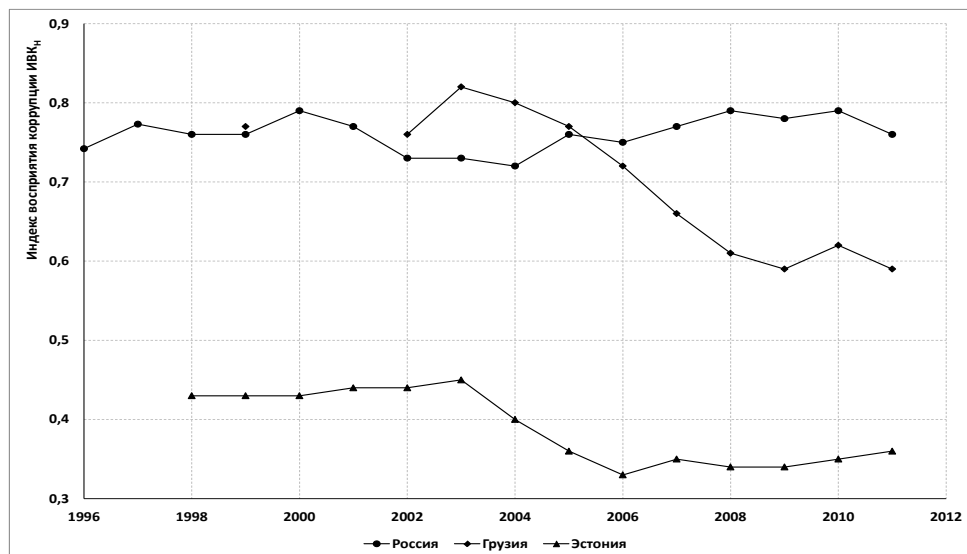
Важно, что степень реализации процесса люстрации на состояние коррупции остается статистически значимой при условии действия других предикторов, оказывающих заметное влияние на состояние коррупции, в том числе и таких значимых предикторов как политическая конкуренция и членство в ЕС.

Для оценки влияния люстрации на состояние коррупции может быть использован и метод анализа конкретных ситуаций (*case study*), в качестве которых целесообразным представляется рассмотреть Эстонию, добившуюся наилучших результатов в борьбе с коррупцией среди всех постсоветских государств, Грузию, сумевшую снизить уровень коррупции в результате частичной управленческой люстрации, и Россию, в которой в основе функционирования государства заложена коррупция как обогащенное правящим режимом наследство советского режима.

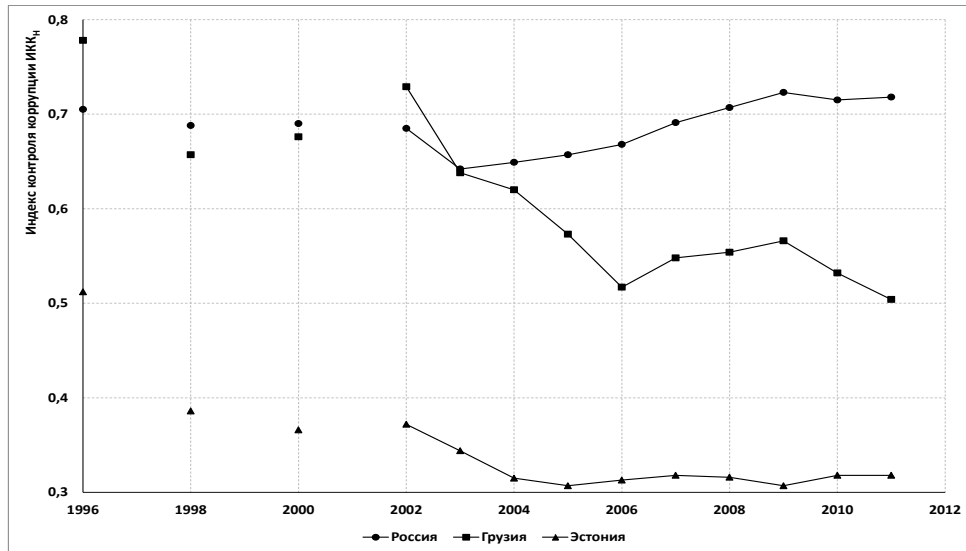
В Эстонии, которая и по индексу ИВК_Н, и по индексу ИКК_Н приблизилась к зоне низкой коррупции, как таковая политическая люстрация не проводилась (см. рис. 11, 12).

После выхода в 1991 г. из состава СССР в этой стране фактически началась “национально-государственная” люстрация путем законодательного регулирования гражданства. Проводимая посредством такого регулирования политика, направленная на выдавливание из страны неэстонского, русскоязычного населения, вступает в противоречие с нормами международного права, и за нее Эстония подвергается критике со стороны международных организаций, в том числе и ЕС, членом которого она стала с 2004 г. [Неграждане Эстонии 2010; Полещук 2005].

Рисунок 11

Динамика состояния коррупции, оцениваемая индексом ИВК_Н

Динамика состояния коррупции, оцениваемая индексом ИВК_Н

Проведение политики реституционного подхода к гражданству началось с введения в действие в 1992 г. Закона о гражданстве 1938 г., измененного таким образом, что большая часть лиц, которые в 1991 г. являлись постоянными жителями и гражданами Эстонской ССР, но не являлись на 16 июня 1940 г. гражданами Эстонской Республики или их потомками, стали “иностранцами” и могли получить гражданство, только пройдя процедуру натурализации [Полещук 2005: 9-31]. При этом, по подсчетам Департамента гражданства и миграции, в 1992 г. 32% всего населения Эстонии составили “лица с неопределенным гражданством”. Такая политика была продолжена принятым в 1993 г. Законом об иностранцах и в 1995 г. — новым Законом о гражданстве и Законом о языке.

Хотя конкретные данные отсутствуют, но можно с высокой степенью достоверности предположить, что подавляющее большинство партийно-хозяйственной номенклатуры, которая управляла Эстонией при советском режиме, попало в категорию “лиц с неопределенным гражданством”, лишенных права участвовать в политической деятельности и работать в органах публичной власти. Таким образом, посредством далеко не самой демократичной “национально-государственной” люстрации была осуществлена десоветизация и деноменклатуризация публичной власти Эстонии, что стало отправной точкой для дальнейшей реализации комплекса институциональных мер по противодействию коррупции.

Так, в частности, в 90-е годы XX в. численность эстонской полиции была сокращена вдвое — до 3,5 тыс. чел., а самая низкая зарплата полицейского была повышена примерно до средней зарплаты по стране. Принятый в 2002 г. Уголовный кодекс Эстонии установил серьезную ответственность за коррупцию, включая десятилетний тюремный срок за повторное принятие взятки и применение в судебном порядке конфискации имущества. В 2010 г. Эстония присоединилась к Конвенции ООН против коррупции со всеми вы-

текающими из этого юридическими и институциональными последствиями [Кондратова 2013].

Но самой действенной институциональной мерой по противодействию коррупции представляется начавшееся с 2000 г. внедрение в Эстонии электронного государства — модели публичного управления, которая минимизирует общение граждан, организаций и фирм с публичными должностными лицами всех уровней, и тем самым резко сужает возможности для коррупции. В 2009 г. электронное государство, созданное в Эстонии, было признано лучшим проектом электронного управления государством в ЕС [Европа сильно хвалит... 2009]. В 2012 г. по индексу развития электронного государства (*E-government development index*), определяемому ООН с 2004 г., Эстония заняла 20-е место среди 193 государств-членов этой организации [E-Government Survey... 2012].

Еще одним примером положительного влияния даже частичной управленческой люстрации на снижение уровня коррупции может служить Грузия.

До начавшейся в ноябре 2003 г. “революции роз” Грузия, которой с 1992 г. управляли выходцы из советской номенклатуры во главе с бывшим первым секретарем ЦК КП Грузии и членом Политбюро ЦК КПСС Э.Шеварднадзе, находилась в зоне высокой коррупции. Как отмечает Л.Буракова, “Воры в законе, как и коррупция, были едва ли не визитной карточкой Грузии” [Буракова 2011: 74].

Ключевой частью реформы исполнительной власти по принципу “наименьшего государства”, которую с февраля 2004 г. начала проводить пришедшая к власти в Грузии новая политическая команда во главе с президентом М.Саакашвили, стало радикальное сокращение государственного аппарата. Количество министерств было сокращено с 18 до 13. 18 госдепартаментов были преобразованы в подведомственные министерствам учреждения, причем общее количество подведомственных агентств и учреждений уменьшилось с 52 до 34, а численность сотрудников министерств и ведомств — почти в два раза [там же: 63].

Такое сокращение осуществлялось посредством аттестаций, конкурсов, собеседований, увольнений и даже уголовного преследования отдельных высокопоставленных должностных лиц и сотрудников правоохранительных органов [Кухианидзе 2005], приема на работу новых людей и, по сути, носило характер управленческой люстрации, которая позволила очистить исполнительную власть от многих некомпетентных и коррумпированных должностных лиц.

Одним из центральных звеньев в процессе оптимизации государственного управления в Грузии стало реформирование системы правоохранительных органов. Оно затронуло все без исключения структуры: прокуратуру, полицию, пограничную службу, суды, пенитенциарную систему, финансовую полицию в составе Министерства финансов. Существенную помощь в реформировании правоохранительной системы Грузии оказали США и ЕС через проекты с участием международных экспертов, которые проводили тренинги, помогали грузинским экспертам работать над новым законодательством, осуществлять структурную реорганизацию, внедрять систему открытых конкурсов на замещение вакантных должностей или решать вопросы материально-технического снабжения [там же].

Наиболее успешной и эффективной реформой Грузии считается реформа Министерства внутренних дел. Она носила кардинальный характер и осуществлялась достаточно жестко и решительно. Так, из министерства за один день было уволено 15 тыс. офицеров и была полностью упразднена Государственная автомобильная инспекция (ГАИ), так что два месяца в Грузии вообще не было ни дорожных инспекторов, ни патрулей [Новое лицо Грузии... 2008]. За эти два месяца летом 2004 г. была создана и укомплектована новая патрульная полиция по западному образцу, в обязанности которой входит обеспечение правопорядка и безопасности на дорогах, пресечение правонарушений на улицах, а также помощь в разрешении бытовых конфликтов и оказание первой медицинской помощи [Кухианидзе 2005].

В начале 2004 г. Министерство внутренних дел объединило в себе Министерство государственной безопасности, Департамент экстренных ситуаций, Департамент охраны нефтепроводов и пограничный департамент, и ответственным за безопасность внутри страны стал один орган. При этом общая численность сотрудников министерства сократилась с 75 до 27 тыс. (4 тыс. из которых – пограничная служба), а их среднемесячная зарплата выросла с 56 долл. в 2003 г. до 443 долл. в 2007 г. [Буракова 2011: 74]. Кроме того, в министерстве была создана система самоконтроля – генеральная инспекция, занимающаяся внутренним расследованием фактов коррупции.

В результате проведенной реформы существенно повысился уровень доверия граждан к полиции, который в 2011 г. составил 87% по сравнению с 5% в 2003 г. [Буракова 2012].

Диаграммы, приведенные на рис. 11 и 12, свидетельствуют о том, что частичная управленческая люстрация, сопровождавшая проводимые в Грузии после 2004 г. реформы, способствовала заметному снижению уровня коррупции в государстве. Этот факт признают и те, кто в целом не признает успех грузинских реформ, но при этом высказывается мнение, что резко сократилась только традиционная, видимая часть коррупции и произошло ее видоизменение – она “ушла наверх, став элитной” [Епифанцев 2011].

Если признать, что преобладающей в Грузии стала коррупция в верхних эшелонах власти, то можно ожидать, что принятая в 2013 г. “Хартия свободы”, которая в части, касающейся люстрации, вводит ограничения для бывших сотрудников спецслужб СССР, а также бывших должностных лиц КПСС и комсомола на работу в органах представительной и исполнительной власти [Хартия свободы Грузии], т.е. хотя и с существенным опозданием, но все же законодательно устанавливает десоветизацию и деноменклатуризацию публичной власти, возможно, будет способствовать дальнейшему снижению уровня коррупции. Так это или нет, покажет время.

Характерным примером того, как отказ от люстрации позволил советской номенклатуре и ее прямым наследникам сохранить в своих руках власть после крушения советского режима, что привело к формированию номенклатурно-клептократического авторитарного режима корпоративного типа, основой жизнедеятельности которого является системная коррупция, может служить Россия.

В начале 90-х годов XX в. в СССР произошла, по сути, типичная “ненасильственная революция” [Шарп 2012], движущими силами которой стали две разные социальные группы. С одной стороны – сравнительно небольшая,

но активная, демократически настроенная часть советского общества, в основном проживающая в столице и крупных научно-промышленных центрах. А с другой стороны – средние и только начавшие подъем по карьерной лестнице нижние слои советской партийно-хозяйственной номенклатуры, которые в условиях “старения” советского режима не видели для себя реальных перспектив быстрого карьерного роста и продвижения в высшие эшелоны власти.

В результате провала августовского путча 1991 г. и последовавшего за ним распада СССР к власти в России, ставшей суверенным государством, пришел конгломерат лидеров демократического движения и представителей прогрессистски настроенной части советской партийно-хозяйственной номенклатуры, прежде всего из состава партийно-государственной бюрократии, возглавляемый ее типичным представителем Б.Ельциным [Нисневич 2007: 221].

Начавшееся уже в ходе революционных событий 1991-1993 гг. формирование новой российской государственной бюрократии достаточно быстро приобрело номенклатурные очертания. Пришедшие во власть представители советской номенклатуры стали воссоздавать в президентских и правительственных структурах присущие им номенклатурные и коррупционные механизмы, связи и взаимодействия при подготовке и принятии управленческих решений. При этом частично новая по составу, но по сути основных механизмов функционирования старая номенклатурная среда достаточно быстро вытеснила из властных структур представителей демократического движения как чужеродные для нее элементы [там же: 227].

Становлению российской номенклатуры как правящего социального слоя способствовало массовое использование во всех структурах и на всех уровнях создаваемой системы публичной власти бывших чиновников советского партийно-государственного аппарата. Исходный посыл для такого решения состоял в том, что для быстрого включения в работу властных структур практически нет других кадров и другого пути, кроме привлечения знающих прежнюю хозяйственную систему советских чиновников. Возможно, в тактическом плане это и было оправдано. Но, как показало последующее развитие событий, с учетом особого номенклатурного и коррупционного “профессионализма” советской партийно-государственной бюрократии наивно было полагать, что ее можно заставить работать в интересах страны и новой власти, а не в собственных, прежде всего меркантильных, интересах.

Поэтому именно в аспекте десоветизации и деноменклатуризации государственного аппарата следовало рассматривать проблему люстрации, которая активно дискутировалась в демократическом движении после запрета КПСС в августе 1991 г. Как представляется, люстрацию, но не в ее наиболее распространенной и жесткой политической интерпретации, а в менее масштабном и более профессионально ориентированном виде нужно было провести сразу после крушения советского режима. Жесткая политическая люстрация могла в той или иной мере затронуть судьбы порядка десяти миллионов бывших членов КПСС, состоявших на учете в первичных организациях партии на территории РСФСР [Трушков... 2008], а также членов их семей, т.е. 15-20% граждан России. Однако законодательное ограничение права на занятие должностей публичной власти лицами, входившими в номенклатуру КПСС, занимавшими ответственные должности в партийном и государственном аппарате, а также лицами командного состава репрессивно-охранительных

органов государственной безопасности и внутренних дел могло бы послужить эффективным механизмом защиты новой российской власти от кадрового наследия СССР. Подобная управленческая люстрация могла бы в той или иной мере затронуть, включая членов семей, 1-2% граждан России, но при этом избавить страну от многих негативных явлений и, в первую очередь, от коррупции как системного явления.

Со стороны демократического движения предпринимались попытки провести такого типа управленческую люстрацию. Так, в 1992 г. депутат Г. Старовойтова внесла в Верховный Совет РСФСР одобренный III съездом движения “Демократическая Россия” законопроект “О запрете на профессии для проводников политики тоталитарного режима”, в котором предлагалось подвергнуть профессиональным ограничениям работников партийного аппарата КПСС, штатных сотрудников и агентуру советских и российских спецслужб. В 1997 г. Г. Старовойтова повторно пыталась внести этот законопроект на рассмотрение Государственной думы второго созыва (1995-1999), но он так и не был рассмотрен.

Становлению российской номенклатуры как правящего социального слоя способствовала и начавшаяся в 1992 г. приватизация. В ходе этого процесса часть номенклатурных кадров из числа советских хозяйственных руководителей, и, прежде всего, молодых партийных и комсомольских работников, уже почувствовавших вкус к экономической свободе в ходе начавшегося в середине 1980-х годов кооперативного движения, успешно конвертировала свои номенклатурные и коррупционные связи в структурах федеральной и региональной власти в первоначальный капитал и частную собственность. Из таких номенклатурных кадров и начали формироваться верхние слои нового российского предпринимательского сообщества, а использованные ими механизмы капитализации номенклатурных и коррупционных связей в органах публичной власти успешно действуют и в настоящее время.

Окрепнув и накопив достаточные финансовые и материальные ресурсы в ходе второго денежного этапа приватизации, который начался в 1994 г. с проведения сначала инвестиционных конкурсов, а затем залоговых аукционов, носивших во многом коррупционный характер [Карацуба, Курукин, Соколов 2005: 613], финансово-промышленные группы, взявшие в результате таких аукционов под свой контроль крупнейшие нефтегазовые и горнодобывающие предприятия, начали оказывать заметное влияние на публичную власть. Они стали осуществлять коррупционную “скупку государства” [Hellman, Jones, Kaufmann 2000], а затем и напрямую инкорпорировать в структуры публичной власти лоббистов своих интересов, формируя таким образом правящие номенклатурно-олигархические кланы.

Отказ от люстрации, как представляется, сыграл определяющую роль в том, что в постсоветской России правящей стала российская номенклатура — прямая наследница номенклатуры советской. Действительно, к концу второго президентского срока Б. Ельцина среди государственно-бюрократической составляющей российской номенклатуры насчитывалось 77% выходцев из советской номенклатуры, а среди ее экономической составляющей (крупных предпринимателей) таких был 41%, и при этом среди неноменклатурных предпринимателей заметную часть составляли члены номенклатурных семей [Крыштановская 2005: 318].

Ключевым событием в окончательном становлении российской номенклатуры как господствующего социального слоя стала проведенная на президентских выборах 2000 г. операция “преемник”, в результате которой президентом России стал В.Путин. Эта операция привела к смене персоналии на посту президента при сохранении политико-социального представительства в институте президентской власти. И этот институт сохранился в качестве ключевого институционального форпоста правящего режима и осуществляющей этот режим российской номенклатуры.

В начале 2000-х годов при президенте В.Путине произошел окончательный коррупционный “захват государства”, представляющий собой высшую форму экономической и политической коррупции [Нисневич 2012: 117-119]. Частично новые, возникшие в полном соответствии с номенклатурным механизмом подбора и расстановки кадров с приходом во власть В.Путина, частично возникшие еще в 90-е годы XX в. номенклатурно-олигархические кланы окончательно приватизировали публичную власть и полностью подавили политическую конкуренцию. Правящие кланы стали использовать все властно-принудительные полномочия и виды административного ресурса публичной власти для захвата природных ресурсов и земли, основных финансовых средств, государственной и частной собственности и имущества, самых прибыльных государственных и частных предприятий и организаций, а также наиболее влиятельных средств массовой информации с целью личного обогащения. В России окончательно в качестве правящего установился номенклатурно-клептократический авторитарный режим корпоративного типа, и системная коррупция стало основой функционирования государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что управленческая люстрация после смены тоталитарных и авторитарных режимов, основой функционирования которых служила коррупция, способствует очищению органов публичной власти от носителей коррупционных отношений и практик управления государством и является благоприятной отправной точкой для последующей реализации комплекса необходимых для противодействия коррупции институциональных мер.

Большой энциклопедический словарь. 2003. М.: АСТ.

Буракова Л.А. 2011. *Почему у Грузии получилось.* М.: ООО “Юнайтед Пресс”.

Буракова Л. 2012. Борьба с коррупцией – это быстро. – *Ведомости*, 20 марта. Доступ: http://www.vedomosti.ru/newsline/news/1542695/borba_s_korrupciej_eto_bystro.

Восленский М. 2005. *Номенклатура.* М.: Захаров.

Джилас М. 1992. Новый класс. – Джилас М. *Лицо тоталитаризма.* М.: Новости.

Европа сильно хвалит наше э-государство. 2009. – *Деловые ведомости*, 20.11. Доступ: <http://www.dv.ee/?PublicationId=bf73c3e7-07df-47a5-b2bd-9128fda5ebc9>.

Епифанцев А. 2011. Реформы в Грузии. – *Агентство политических новостей*, 18 января. Доступ: <http://www.apn.ru/publications/article23547.htm>.

Трушков В. 2008. *Жизнь партии: события и факты. “Правда” о юбилее партии: Валентин Купцов вспоминает события, связанные с созывом II чрезвычайного съезда КПРФ.* Доступ: http://kprf.ru/party_live/54868.html.

Жирнов Е. 2009. Преступная деятельность судебных работников. — *Коммерсантъ Власть*, № 45 (849), 16.11. Доступ: <http://www.kommersant.ru/doc/1269865>.

Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. 2005. *Выбирая свою историю. "Развилки" на пути России: от рюриковичей до олигархов*. М.: КоЛибри.

Кондратова В. 2013. Воровать меньше не пробовали? Пять стран, обуздавших коррупцию. — *ЛИГА. Новости*. Доступ: http://news.liga.net/articles/politics/840572-vorovat_menshe_ne_probovali_pyat_stran_obuzdavshikh_korrupsiyu.htm.

Крыштановская О. 2005. *Анатомия российской элиты*. М.: Захаров.

Кухианидзе А.В. 2005. Коррупция и преступность в Грузии после "Розовой" революции. — *Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия*. Саратов, Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции: Сателлит.

Леденева А.В. 1997. Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе. — *Мир России*, № 2.

Ливийский парламент принял закон о люстрации. 2013. — *Лента.ру*, 5 мая. Доступ: <http://lenta.ru/news/2013/05/05/law/>.

Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. 1997. *Политология. Методы исследования*. М.: Мир.

Найшуль В.А. 2005. *Революция и справедливость*. М.: ОГИ.

Неграждане Эстонии. 2010. — *Эстония. Все об Эстонии*, 29 сентября. Доступ: http://estoniaz.blogspot.ru/2010/09/blog-post_29.html.

Нисневич Ю.А. 2007. *Аудит политической системы посткоммунистической России*. М.: Материк.

Нисневич Ю.А. 2011. Метод сопоставительно-институционального анализа. — *Мировая экономика и международные отношения*, № 5.

Нисневич Ю.А. 2012. *Государство XXI века: тенденции и проблемы развития*. М.: КНОРУС.

Новое лицо Грузии: интервью с министром внутренних дел страны Ванно Мерабишвили. 2008. — *Радио Свобода*, 16, 21 октября. Доступ: <http://www.svoboda.org/content/transcript/469290.html>.

Парламент Грузии единогласно принял "Хартию свободы". 2013. — *Новости — Грузия*, 31 мая. Доступ: <http://www.newsgeorgia.ru/politics/20110531/213967718.html>.

Полещук В. 2005. *Неграждане в Эстонии*. М.: Издательство "Европа".

Поппер К. 1992. *Открытое общество и его враги*. М.: Феникс, Международный фонд "Культурная инициатива".

Президент Македонии пройдет проверку на причастность к спецслужбам. 2009. — *РИА "Новости"*, 9.09. Доступ: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2009/09/01/n_1399122.shtml.

Румыния отменила закон о люстрации. 2012. — *Росбалт*, 3 марта. Доступ: <http://www.rosbalt.ru/main/2012/03/29/962848.html>.

Специализированные институты по борьбе с коррупцией — обзор моделей. 2008. — *ОЭСР*. Доступ: <http://www.oecd.org/corruption/acn/library/39972100.pdf>.

Тунисские депутаты отложили обсуждение закона о люстрации. 2013. — *Лента.ру*, 30 июня. Доступ: <http://lenta.ru/news/2013/06/30/ennahda/>.

Хартия свободы Грузии. 2012. — *Конституции государств (стран) мира*. Доступ: <http://worldconstitutions.ru/archives/443>.

Шарп Д. 2012. *От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения*. М.: Новое издательство.

Энциклопедия Третьего Рейха. 2005. М.: Локид-Пресс, Рипол Классик.

Яковлев А.Н. 2003. *Сумерки*. М.: Материк.

Corruption Perceptions Index. 2012. / Transparency International. Доступ: <http://www.transparency.org/research/cpi/overview>.

E-Government Survey. E-Government for the People. 2012. N.Y. Доступ: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan048065.pdf>.

Freedom in the World. 2013. / Freedom House. Доступ: <http://www.freedomhouse.org/report-types/freedom-world>.

Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. 2000. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition. — *World Bank, Policy Research Working Paper*, № 2444.

Ledeneva A.V. 2013. *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. N.Y. Cambridge University Press.

Nations in Transit. 2013. / Freedom House. Доступ: <http://www.freedomhouse.org/report-types/nations-transit>.

Rožič P. 2012. *Lustration and Democracy: The Politics of Transitional Justice in the Post-Communist World* / PhD Dissertation. Georgetown University.

The Worldwide Governance Indicators (WGI) project. 2013. / The World Bank. Доступ: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.asp>.

World Development Indicator. 2013. / World Bank. Доступ: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>.